

— Эм... Здравствуйте? — неуверенно позвал Фан Сынун, медленно приближаясь к Старому безумцу.

Тот не отреагировал. Ни единого движения, ни звука.

Сынун остановился в полутора метрах. Из-за низкого роста старика парень мог без труда разглядеть содержимое стоявшего за его спиной комода.

Этот массивный, потемневший от времени деревянный шкафчик высотой едва ли превышал метр с небольшим. На нем теснилась нехитрая утварь: запыленный чайник, тяжелая пепельница, ваза для фруктов и курильница. Самым поразительным было то, что плоды в вазе казались свежими, а из курильницы все еще струился тонкий сизый дымок.

Но больше всего внимания привлекали пять или шесть фоторамок, расставленных в живописном беспорядке. В самом центре красовался семейный портрет.

И рамка, и сам черно-белый снимок давно обветшали. Потрескавшиеся, облупившиеся края бумаги запечатлели четырех человек. В центре сидел пожилой, благообразного вида мужчина с округлым лицом. Под руку его держала женщина в скромном платье в цветочек. К несчастью, её лицо почти полностью съели белые пятна плесени — лишь по хрупкому силуэту угадывалось, что она была совсем молодой. За спиной мужчины стоял статный, привлекательный юноша, к которому ласково прижималась другая девушка. Судя по их нежной позе, они были парой.

Снимок дышал тихим семейным счастьем. Они позировали в уютном дворике в погожий осенний день, и на заднем плане кружились золотые листья.

Фан Сынун присмотрелся внимательнее. На шее у пожилого мужчины был повязан клетчатый шарф. И пускай снимок был черно-белым, парень без труда узнал знакомый узор. Точно такой же изношенный шарф сейчас укутывал шею Старого безумца.

Сопоставив это со слухами, которые разузнал Чу Шэньнань — дескать, несчастный лишился рассудка после того, как вся его семья погибла в автокатастрофе, — Сынун окончательно убедился: перед ним на фото и в реальности стоял один и тот же человек.

Перемена ужасала. На старом снимке мужчина выглядел упитанным, пышущим здоровьем добряком. Нынешнего же бедолагу назвать изможденным было бы верхом лести. Настоящий скелет, обтянутый пергаментной кожей. Сынун смотрел на него сбоку и видел, как под ветхой тканью лохмотьев уродливо выпирают острые лопатки — казалось, они вот-вот прорвут одежду.

На остальных портретах по соседству были изображены те же лица в разных сочетаниях. Но кое-что приковывало взгляд: лицо одной из девушек на всех без исключения снимках оказалось полностью стерто белыми пятнами.

Ни один кадр не пощадил её черт.

Фан Сынун постоял за спиной безумца еще немного, анализируя увиденное, после чего достал мобильный телефон и вывел на экран снимок Ху Бая.

Этим утром он специально подгадал ракурс и тайно сфотографировал парня, пока тот расставлял тарелки на столе.

Соблюдая дистанцию, Сынун осторожно протянул телефон так, чтобы экран оказался перед глазами старика.

— Вы его знаете?

Старый безумец скользнул взглядом по дисплею, и его реакция последовала незамедлительно. Он мгновенно напрягся всем телом, губы затряслись, а мутные глаза едва не вывалились из орбит. Дрожащим, скрюченным пальцем Старый безумец тыкал в экран, бессвязно лопоча:

— Он родил... Он родил...

Старик хрипел невнятно, но благодаря вчерашнему предупреждению Юй Цюся, Сынун все же сумел разобрать эти слова.

Фан Сынун надеялся, что тот заговорит разборчивее, стоит ему немного успокоиться. Однако время шло, а старик лишь бессмысленно повторял одно и то же. Стало ясно, что у него серьезные нарушения речи и вытянуть из него членораздельное предложение не удастся. Он продолжал безумно бормотать одно и то же.

Сынун упрямо переспросил:

— Родил кого? Что он родил?

Но старик вдруг рухнул прямо на пол. Из его глаз хлынули слезы, и в следующую секунду он зарыдал навзрыд, точь-в-точь как брошенный ребенок, продолжая бессвязно выть:

— Он родил... Он родил...

Развалившийся на полу безумец больше не представлял угрозы. Сынун слегка расслабился. Быстро соображая, он пролистнул галерею и вывел на экран другую фотографию.

Это был снимок ориентировки из полицейского участка.

В первую же ночь Юй Цюся предупредил его: здесь нет ни связи, ни интернета, ни возможности зарядить технику. С тех пор Сынун держал мобильный выключенным, запуская его лишь в крайних случаях. К несчастью, вчерашние поиски в архиве с включенным фонариком изрядно подкосили батарею. Да еще и утренняя слежка за Ху Баем... Сейчас индикатор заряда зловеще мигал красным — оставалось меньше десяти процентов.

Осознание этого вселяло в душу глухую тревогу.

Будучи профессиональным фотографом, Сынун пользовался мощным флагманом с хорошей оптикой и кучей встроенных редакторов. Снимок, который он сейчас демонстрировал, прошел обработку и масштабирование, став гораздо четче размытого оригинала со стенда в полиции. На экране светился полупрофиль предполагаемого убийцы — самый разборчивый кадр из всей пачки улик.

Сынун приблизил экран к лицу старика:

— А этого? Этого вы знаете?

Тот уставился на изображение. Рыдания оборвались мгновенно, будто безумцу перекрыли кислород. Спустя секунду его мутные, заплывшие глаза вспыхнули пугающим, яростным блеском.

Старик широко разинул рот, выдавая лишь протяжное, сиплое мычание. Сынуна аж затрясло от нетерпения — больше всего на свете его раздражало, когда люди тянули резину в разговорах. Каждый раз, сталкиваясь с подобными заминками в кино, он готов был лезть на стену от досады.

А старик всё выл:

— А-а... А-а-а!

— Это он? — сам не зная почему, выпалил Фан Сынун. — Это его он родил?

Старик снова зашелся в плаче, судорожно закричал и, размахивая руками, неуклюже поднялся на ноги.

Опасаясь безумных прикосновений, Сынун поспешно отступил в угол. Старый безумец еще какое-то время метался среди комнаты, беснуясь в припадке, но затем внезапно затих. Он застыл на месте, уставившись невидящим взором в пол. Оцепенел, превратившись в безжизненную статую.

Сынун стоял поодаль, боясь перевести дыхание. Он уже собирался сделать шаг вперед и попытаться расспросить бедолагу еще раз, как вдруг тот вскинул голову.

Их взгляды встретились.

Этот взор полоснул по нервам Сынуна, словно острая бритва. В мутных глазах безумца полыхнуло нечто настолько яростное и обреченное, что любой случайный свидетель отшатнулся бы в ужасе. Это были два слепящих прожектора, в которых заживо сгорали ночные мотыльки — взгляд человека, готового забрать с собой в могилу весь мир.

По спине Сынуна пробежал ледяной озноб. Парень оцепенел, не в силах пошевелить и пальцем.

Но в следующую долю секунды старик рванулся с места. С неестественной прытью он метнулся к окну у комода, рванул щеколду и распахнул створки настежь.

— Нет! — выкрикнул Сынун.

Сорвавшись с места, он попытался перехватить Старого безумца и захлопнуть раму. Но в разгаре его броска старик вдруг повернул к нему лицо. На миг его черты разгладились, явив пугающую, абсолютную ясность рассудка. Он указал пальцем куда-то за окно и отчетливо произнес:

— Он...

Договорить старик не успел. В следующее мгновение его лицо с немыслимой скоростью приблизилось, практически размывшись перед глазами Сынуна. Раздался глухой, влажный удар — оторванная голова врезалась Фан Сынуну прямо в лоб и отлетела в сторону.

Мир мгновенно окрасился в багровые тона. Горячий, липкий поток ударил парню в лицо, заливая глаза и пачкая одежду.

Глухой, мерный стук покатился по полу:

«Стук... Стук... Стук...»

Лишь спустя несколько томительных секунд Сынун осознал, что этот жуткий звук издавала катящаяся по доскам голова старого безумца.

С трудом проморгавшись и смахнув с ресниц теплую кровь, он сфокусировал зрение. Безглавое тело старика все еще стояло у окна. Его удерживали за плечи две колоссальные руки, которые медленно, с чудовищной силой разрывали труп пополам.

Конечности монстра отдаленно походили на человеческие, но их размеры ужасали — каждая ладонь легко затмила бы четыре руки взрослого мужчины. Непропорционально длинные

пальцы покрывали странные темные гематомы, напоминающие раскрывшиеся бутоны цветов.

Несмотря на то, что старик при жизни превратился в высохший скелет, его кости всё еще оказывали безмолвное сопротивление. Плоть поддавалась неохотно. До ушей Сынуна донесся отчетливый, сухой хруст ломающихся ребер — звук, который он никогда прежде не слышал и не забудет до конца своих дней. Когда торс оказался разорван до пояса, дело пошло быстрее. С резким влажным звуком половины тела разъехались в стороны под воздействием инерции. Сынуна успел мельком увидеть мешанину из разорванных внутренних органов, прежде чем его окатило очередной волной горячей крови.

Этот кошмар превосходил любые грани человеческого воображения. Ноги парня подкосились, и он без сил рухнул на колени.

Но адское зрелище на этом не закончилось.

Гигантские ладони небрежно швырнули одну половину мертвеца на пол, а оставшуюся часть принялись методично кромсать на куски. Наконец, будто окончательно потеряв интерес к своей игрушке, тварь отбросила окровавленные ошметки в сторону. Огромные руки медленно втянулись обратно в оконный проем.

Фан Сынуна забился в угол у самой стены, в слепую зону для любого, кто смотрел бы с улицы. Чисто теоретически чудовище не могло его заметить.

Сжавшись в комок, он затаил дыхание, стараясь слиться с тенью и казаться неодушевленным предметом. Снаружи воцарилась мертвая, звенящая тишина.

А в следующую секунду перед его лицом возникла морда чудовища.

Это произошло мгновенно. Движения твари, только что казавшиеся ленивыми и медлительными, вдруг обрели сверхъестественную скорость, словно она обладала способностью к телепортации. За долю секунды массивное туловище протиснулось сквозь раму и изогнулось под немыслимым, прямым углом, зависнув нос к носу с Сынуном.

Человеческое тело просто физически не способно на подобные неестественные изломы.

И этот лик... Господи, какой же это был неопиcуемый, хтонический ужас...

Разум Сынуна окончательно помутился. Скованный парализующим страхом, он мог лишь беззвучно шевелить губами, выталкивая из себя хриплый шепот:

— Монстр...

<http://bllate.org/book/20607/2132224>